

Когда горный орел — Клаш — спускается на могучих крыльях на равнину, когда степной мустанг — Пхай — поднимает голову к небу, а мрачный Свинорыл спешит убраться в свое подземелье, это значит, что над прериями вновь встает солнце. А еще — что мы все-таки живы...

Мое имя — Даромир. Мои близкие зовут меня Даром, все остальные — Серым Львом. Это прозвище я получил от Белой Совы — шамана нашего рода и всей долины. За выносливость: я могу взвалить тушу бурого Джейра на спину, едва багровое солнце растопит первые льдинки на застывшей траве, — и нести добычу к общему костру, шагая так до той поры, когда последние из крыс-трупоедов выходят на ночную охоту. За ярость: Шкуру зверя, которую я ношу на плечах, украшают скальпы врагов и клыки зверей, а мое тело исполосовано рубцами от ран — никто из ныне живущих не сможет сказать, что их вождь хоть раз уклонился от боя.

Да, я — вождь. Я — глава рода, ставший им, еще не зная своего предназначения... Но это уже было известно Вещей и Сове. Я остался человеком среди лютого холода ночи, когда был один; я заслужил это, когда новое солнце осветило прерии от Синей реки и до Каньона смерти, — и я останусь вождем, пока буду самым стойким среди своего народа. Среди тех, кто выжил и теперь будет жить, — даже если небо окончательно смешается с землей.

Но я не один. Ната, моя верная подруга, с маленьким Диком на руках, находится подле меня. Элина — мать нашего ребенка — спокойно стоит рядом и уверенно смотрит вдаль. Угар, мощный пес, лежит в наших ногах.

Мы оставили свое прошлое. Но оно не оставило нас. У каждого из нас — своя боль, своя история и свой след, который может прерваться в любой момент... Каждый загнал свою память в самую даль — но иногда она вырывается обратно, напоминая о том, как страшно, как кроваво и жутко все начиналось...

Глава 1

КАТАСТРОФА

Был ли этот день самым обычным днем? Отличался ли он чем-то от других — плохих или хороших, веселых или тоскливых, памятных и не очень? Наверное, нет... Нет, он не отличался ничем, если не считать того, что это был *Тот день*, когда быстро, беспощадно и яростно изменился привычный для нас мир. Вся моя прошлая жизнь оказалась лишь вехой на новом пути, который еще только предстояло пройти. Никто в мире не мог предвидеть нашей страшной дороги в никуда — но для миллиардов людей она стала именно такой...

Нет, я не помню никаких признаков, предвещавших приближение событий, очевидцем и участником которых пришлось стать. Уже прошли все сроки грядущего апокалипсиса, назначенные сонмами прорицателей, а время новых предсказаний конца времен еще не пришло. Слова пророков заметно отличались друг от друга, и этот разброд не способствовал вере в их дар. В церквях не звучали проповеди, призывающие покаяться и ожидать скорого суда. Власти, как всегда, раздавали благие обещания и уверяли в полной стабильности — для успокоения тех, кто еще во все это верил. Все шло своим чередом...

Мне уже доводилось приезжать в этот город — там, где я жил, работы не нашлось, приходилось искать ее везде, где только можно. А больше всего возможностей предоставлял мегаполис, куда

стекались все умелые руки и все умные головы. И, разумеется, все крупные деньги. Полунищая страна, разодранная на удельные вотчины, предоставляла каждому ее гражданину выживать самостоятельно. И я не являлся исключением. Оставив семью, привыкшую к подобным отлучкам, я проехал в поезде несколько тысяч километров — и наконец выходил из здания вокзала, держа в руках сумку с рабочей одеждой и другими нужными вещами. На этот раз предстояло работать в составе бригады. Мы с напарниками договорились встретиться напротив городского парка — на улице, где недавно построенные напыщенные здания крупных банков грубо оттесняли прочь скромные дома уходящих времен. Там находился и наш офис — руководство считало, что престижное место добавляет конторе респектабельности. Собравшись вместе, мы должны были дожидаться представителя компании и, получив направление, отправиться на объект.

До встречи оставалось около полутора часов. Усталость после трехдневной тряски в вагоне постепенно прошла, и я решил прогуляться по аллее, закрытой для городского транспорта. Вдоль аллеи растянулась цепь людей в форме; неподалеку стояли несколько машин, чьи марки говорили об особом статусе их владельцев. Все ясно: кто-то из «важняков» решил продемонстрировать свою близость к народу — а так как сам народ следовало допускать в дозах умеренных, то всем не попавшим на аллею до приезда гостей путь туда был закрыт. У меня не было никакого желания спорить с представителями власти, да и солнечный день, несмотря на холодный ветерок, располагал к прогулкам на любой территории. На ближайшей параллельной улице людей в форме не наблюдалось. Я прошел туда и стал фланировать по ней, осматривая витрины магазинов, попадающихся практически на каждом шагу. Зашел в один, в другой, покачал головой при виде цен, недоступных моему пониманию, — как какая-то безделушка может стоять ровно в двадцать, а то и в тридцать раз больше, чем где-нибудь на окраине? Или причина в том, что она продавалась в таком шикарном бутике?

Время уже поджимало. Следовало возвращаться. Перебросив сумку через плечо, я остановился купить газеты в киоске. Пока доставал и отсчитывал мелочь, очень быстро, буквально за пару минут, испортилась погода. Все заволокло неизвестно откуда набежавшими тучами, сильно потемнело, резко усилился ветер. Многочисленные прохожие недоуменно посматривали на небо — настолько неожиданно исчезло солнце, только что гревшее землю. Одни поспешили укрыться от начинающего накрапывать дождя под навесами автобусных остановок, другие ускорили шаг, а третьи раскрыли зонты.

Еще больше потемнело. Казалось, что наступил вечер. Небо стало свинцовым. Я в сердцах выругался — не хватало еще прийти в контору промокнувшим насквозь! Впрочем, некоторых такое изменение погоды только позабавило — проходящая мимо парочка, смеясь и дурачась, декламировала стихи известного поэта, посвященные грядущей буре. Молодой мужчина, одетый очень стильно, брезгливо морщился, протягивая сложенную вдвое купюру продавщице цветов — неопрятной и немолодой тетке с грязными руками. Его спутница, которой предназначался букет, нетерпеливо, но как должное ожидала, пока цветы перейдут из рук в руки. Мимо мчались машины, разгоняя наступившую мглу зажженными фарами. Одна из них остановилась метра в десяти от меня, и из нее выбрался лысоватый, полненький и чрезвычайно деловитый пассажир, сразу оттеснивший меня от киоска. Он почти не глядя набрал такую охапку газет и журналов, что я усмехнулся: этот киоск сегодняшний план наверняка перевыполнил! Тем временем стало немного светлее — загорелись фонари. Видимо, кто-то все же решил, что они не помешают, несмотря на столь раннее время.

Дождь все не начинался, наоборот: теперь в лицо летело куда меньше холодных капель. Зато ветер еще усилился — да так, что даже удерживаться на ногах становилось непросто... Какое-то смутное чувство тревоги кольнуло меня; я оторвался от статьи, которую читал, и посмотрел по сторонам.

Что-то носилось, витало в воздухе, создавая странное ощущение, которому я не мог найти объяснения — вроде покалывания в кончиках пальцев, как при онемении. Впрочем, на первый взгляд все было как обычно, все та же знакомая суета. Стайка подростков с шумом оккупировала таксофон, висевший на углу дома, и рьяно обсуждала чей-то необычный наряд, попутно договариваясь о встрече с абонентом в его квартире. Блестящий серебристый автомобиль подъехал вплотную к тротуару, из машины с шумом и одышкой выгрузилась полная сердитая дама, что-то громко и недовольно выговаривая водителю, оставшемуся за рулем. У троллейбуса отсоединились токопроводящие «уши», и шофер, нисколько не торопясь и не реагируя на сигналы стоявших позади машин, вышел из кабины и стал развязывать узел веревки. Компания кидал завлекла очередную жертву — и теперь усиленно обрабатывала ее, не замечая ни испортившейся погоды, ни стражей порядка, проходящих неподалеку. Впрочем, те словно и не видели их, направляясь куда-то по своим делам.

Я слегка поежился — ветер стал совсем уж пронизывающим, а искусственный мех куртки плохо сохранял тепло. Оставалось дожидаться конца обеденного перерыва в конторе, и я в который раз посмотрел на часы. На табло азиатской штамповки высветилось время — 13:27. Эти числа я запомнил навсегда...

Внезапно в небе появились странные облака, резко темнеющие прямо на глазах. Еще минуту назад было светло — и вдруг очень сильно потемнело. Стало совсем уж холодно, казалось, будто вот-вот пойдет град. Тучи, висевшие над головой и угрожавшие ливнем, вдруг резко сорвались с места и с немыслимой скоростью понеслись вдаль, словно кто-то тащил их по небу незримой гигантской рукой. Это выглядело так жутко, так необычно, что у меня перехватило дыхание. Вместе с тучами, как спущенная с цепи собака, сорвался ветер... нет, не ветер — просто ураган, сносивший все и всех на своем пути! Порыв ветра впечатал меня в стену дома — и на пару секунд потемнело в глазах. Вязаная шапка слетела, сумка и перчатки вырвались из рук и унеслись неведомо куда. Куртку раздуло из-за

словавшейся молнии, и меня протащило по асфальту до ближайшего столба. Я сумел вцепиться в него — и лишь поэтому не оказался на проезжей части. Поднялась невероятная пыль (ей вроде неоткуда было взяться), и видимость сократилась до нескольких метров...

Так же неожиданно, как появился, этот бешеный порыв унесся прочь, прихватив с собой тех несчастных, которые, в отличие от меня, не успели за что-нибудь ухватиться. Кто-то закричал. Я поднял голову — над нами, всего в нескольких метрах, как хищная птица в бреющем полете, промелькнула тень. Сразу раздался вопль ужаса — сорванный с крыши лист металлической черепицы влетел в тот самый киоск, в котором я несколько минут назад выбирал газеты, и вонзился острым краем прямо в окошко продавца... Откуда-то из глубин подсознания пришло понимание, что это только начало и самое страшное еще предстоит. Это ощущение так сильно сдавило сердце, что я, задыхаясь от боли, упал на колени и вытянул перед собой руки, словно пытаюсь защититься от неизбежного конца. Резко, в одно мгновение, все залила волна слепящего света. Все стало очень отчетливым, без малейших усилий просматривалась дальняя даль... и сразу за этим светом резануло: «Вот Оно! Началось!»

Из глубин земли, из самых ее недр, вырвался протяжный и оглушительный стон... Это было немыслимо, но я каким-то *иным* чувством понял, что кричит сама Земля! Высоко в небе в мановение ока образовались густые рваные светящиеся круги. Внезапно дико, невыносимо заболела голова, ноги подкосились, и я упал ничком, потеряв возможность соображать. Казалось, еще пару секунд — и череп разлетится в клочья: словно мозг вскипел от жуткого давления и рвался наружу, выдавливая черепную коробку. Подростки у таксофона буквально повалились друг на друга, женщина рядом с машиной упала на капот и сползла по нему вниз. Из ее открытого рта хлынула густая темная масса. Водитель троллейбуса, успевший подняться на крышу, отпустил канат — и в следующее мгновение сорвался вниз, впечатавшись головой в асфальт...

Наверное, многие кричали, но я ничего не слышал, заполненный собственной болью до отказа. Машины на дороге начали

петлять, одна за другой вылетая на встречные полосы, на тротуары, врезаясь и тараня все подряд — стены домов, столбы, встречные автомобили и людей, застывших по обе стороны дороги. В какой-то момент я упал между колес автомобиля, в бурую жижу из снега, земли, окурков и дорожной соли. От удара разбил лицо в кровь, глаза залепило всем этим месивом, и я на несколько секунд потерял ощущение реальности. Боль исчезла так же резко, как и появилась; я осознал, что судорожно держусь за какие-то трубки на днище машины. Одежда пропиталась водой и отяжелела, стала холодной и скользкой... Я выбрался наружу.

Вокруг царил полный хаос. Горели столкнувшиеся автомобили, асфальт был усеян битым стеклом, слышались надрывные крики о помощи. Кто-то завизжал прямо над самым ухом. Я обернулся и увидел то, что осталось от звонивших подростков: двое из них, с неестественно вывернутыми конечностями, разметались на асфальте, девушка дрожащими руками пыталась зафиксировать внутри вываливающиеся из распоротого живота внутренности, а парень, державший трубку, был вдавлен в стену дома и размазан по ней бампером огромного джипа. Крыши у машины не было: ее начисто снесло вместе с головой того, кто находился за рулем...

Практически отовсюду слышался многоголосый отчаянный вопль. Собравшись с силами, я поднялся и посмотрел туда, куда были устремлены все взгляды. От ужаса вновь подкосились ноги... С противоположного конца улицы на нас неслась темная масса, словно земля вдруг ожила и решила встряхнуть плечами, освобождаясь от скопившейся на ней поросли зданий, возведенных людьми, а заодно — и от самих людей! Больше всего это походило на волну, как если бы под ногами не было твердой поверхности. Громадные дома, высотой в несколько десятков этажей, словно резко приподнимались — и так же быстро опускались обратно, сразу покосившись, а кое-где и столкнувшись верхними этажами. По ним зазмеились быстро увеличивающиеся трещины, и здания с душераздирающим грохотом начали обрушиваться, погребая под обломками тысячи людей.

Волна домчалась до нас, и я словно взлетел на кромке лопнувшего тротуара, вновь упав на колени и откатившись к стене ближайшего дома. Еще через пару секунд волна унеслась дальше, а те, кто упал вместе со мной, опустились вниз. Вслед за этим вокруг потемнело от начавших валиться сверху бетонных плит, кирпичей, кусков штукатурки, обломков мебели, человеческих тел... Одна плита рухнула в метре от меня, вонзившись торцом в стонущую девушку, и превратила ее в бесформенный кусок окровавленного мяса — ее кровь брызнула на меня, заляпав с головы до ног. Плита накренилась в мою сторону и уперлась высоким концом в покосившуюся стену здания; это защитило меня от продолжавших падать обломков. Хватило нескольких коротких мгновений, чтобы от дома осталась только бесформенная куча развалин. Над ней выросло облако пыли, удержавшееся, впрочем, не надолго — его быстро снес бушующий ураган. Несмотря на непрерывный гул, грохот и шум, я расслышал, как с той же стороны, откуда пришла эта волна, донесся свист. Он разрастался, становился все сильнее и в итоге перекрыл все прочие звуки. Я инстинктивно прикрыл уши ладонями и вжался в стену. Глаза резануло непонятным свечением, и я прикрыл их, уткнувшись лицом в кладку. Но даже сквозь закрытые веки проникало свечение, очень похожее на разряд сварочной дуги.

Потрясенный случившимся, я просидел так несколько секунд — и не заметил, как свет и свист пропали. Понимая, что нужно выбраться наружу и по возможности помочь тем, кто еще остался в живых, я попытался сдвинуться — и замер, не в силах совладать со страхом. Ужас сковал меня на какое-то время, не давая пошевелиться. Потом пришло оцепенение, сознание нереальности случившегося, и я, вдруг успокоившись, разгреб завал, скопившийся возле моего убежища, и выбрался наружу.

Город перестал существовать... Ко мне полностью вернулся слух, и тут все мое тело, до самых кончиков ногтей и волос, пронзил не прекращающийся ни на мгновение жуткий человеческий вой, в котором смешалось все — и дикая боль, и страх, и непонимание происходящего. Кричало все! Обезумевшие люди пронеслись

мимо меня живыми горящими факелами, бросались в тающий снег, пытаясь сбить пожиравшее их пламя. Кто-то поднимал и снова ронял оторванную по локоть руку, не понимая, что это не его рука, а того несчастного, кого расплющило минуту назад кусками крыши, свалившейся вниз. Женщина, скуля и захлебываясь, с дикими и невидящими глазами искала на земле что-то, что было ей нужнее всего именно сейчас... Ребенок, вылетевший из коляски, как в замедленном кино, погружался в мутную жижу грязи и воды, вырвавшейся на поверхность из лопнувших труб. Большой бак с горючим, сорванный с проезжавшего мимо бензовоза, угрожающе накренился, и к нему уже подбиралось пламя, обещая мощный взрыв. Шофер легковушки с неестественно вывернутой шеей намертво ухватился за руль, а сидящий рядом пассажир с оторванной головой наклонился к дверце. Голова валялась неподалеку, и кто-то постоянно пинал и отпихивал ее в сторону — люди продолжали убегать от кошмара.

Ветер унес пыль, но очень быстро снова стало темно. Я понимал, что это не ночь, ведь все началось считанные минуты назад. Все застили клубы дыма от пожаров. Но, кроме огня, темноту рассеивало и багровое свечение, придававшее всему жуткий оттенок. Позже я вспоминал его как струящийся пламенем свет, через который все представлялось словно залитым кровью. Я старался не смотреть и прикрывал глаза ладонью, но не смотреть было невозможно... Земля под ногами продолжала волноваться, разбуженная от вековой спячки. Приходилось все время выбирать, куда поставить ногу, чтобы этот шаг не оказался последним. С неба летели куски того, что по своей природе вообще летать не могло: шифер, стекло, кирпичи, арматура, оторванные конечности... Шальной осколок трубы вскользь задел меня по спине, и я взвыл от боли — куртка не спасла от удара.

Постепенно я вообще перестал что-либо ощущать. Появилось тупое ожесточение, отключение от всего и бесстрастное фиксирование происходящего, будто я был случайным свидетелем, а не непосредственным участником этой сцены. Может быть, застывший на некоторое время разум оставил мне возможность тратить все силы

на собственное спасение, не отвлекаясь на созерцание множества иных жизней, заканчивающихся у меня на глазах. Их были тысячи... Я видел, как с высоты падали человеческие тела — и буквально разлетались в куски после удара о мостовые. Видел, как в трещины в земле проваливались целые группы, как ухватившаяся за кромку земли рука постепенно разжималась — после чего раздавался очередной крик. Пролетающее мимо оконное стекло как бритвой раздвоило какую-то полную женщину. Она успела наклонить голову, чтобы посмотреть, что с ней стало, — и вся верхняя часть ее туловища рухнула вниз, а ноги по инерции сделали шаг, чтобы затем упасть на все остальное... Все сразу залило кровавым фонтаном и засыпало летящей пылью и пеплом.

Кто-то бежал — а через мгновение исчезал в пламени или под лавиной падающего дома; кто-то молился, устремив свои просьбы к небесам, — а они отвечали ему обломками зданий, способными раздавить сразу десятки людей. Я падал, вставал, снова падал, а перед глазами мелькали уже не люди — тени, не успевавшие обрести плоть. Непрерывно звучал вой, оглушающий и жуткий, ломавший каждого, кто пытался сохранить хладнокровие.

Пылающими комочками упали несколько птиц — огонь настиг их в небе, где им было гораздо легче уцелеть, чем нам... Вслед за ними, перемальвая лопастями всех, кто не успел увернуться, свалился военный вертолет. Он коснулся тротуара, и на месте падения сразу раздался взрыв, поглотивший экипаж и всех, кто оказался поблизости. Кусок плексигласа от кабины швырнуло в мою сторону, а часть обшивки вонзилась в стену, отхватив у замершего за мной парня клок волос. Он вскрикнул и бросился бежать. Из эпицентра взрыва вылетело несколько фрагментов тел... Какой же это был ужас!

Я замечал, как ломало и скручивало в штопор массивные металлические балки, как от фонарей отлетали провода и змеями цеплялись за все подряд, мешая людям убегать от быстро возникающих очагов огня. Какое-то время я стоял в неподвижности возле покосившейся стены одного из зданий, надеясь, что оно защитит меня от продолжавших падать сверху предметов. В чем-то я оказался прав, но она

не спасала ни от жара, ни от несущихся толп. Раздался еще один взрыв — искореженные газовые трубы соприкоснулись с огнем, и тех, кто, подобно мне, попытался остановиться возле стены, повалило друг на друга. Я понимал, что бежать, собственно, некуда — то, чего мы боялись, происходило везде. Не было и не могло существовать таких мест, где можно было бы спастись: ни подвалы, ни случайные укрытия не помогли никому и лишь становились ловушками и могилами для многих доверивших им свои жизни.

Но мне везло! Невероятно, немислимо — но везло! Судя по тому, что я видел, я уже не раз должен был разделить участь погибших или как минимум получить серьезное ранение. Но, если не считать многочисленных ушибов и ссадин, со мной ничего критичного до сих пор еще не произошло. Хотя еще ничего и не кончилось...

Смерть собирала свою жатву. Ее жертвы стали неисчислимы. Разломилась надвое, вздыбившись вверх кусками асфальта, дорога — из отверстия полыхнуло огнем, и его языки дотянулись до тех, кто оказался в тот момент по обе стороны трещины. Живые свечи тщетно пытались сбить пламя, в агонии падая именно туда, откуда оно появилось. Куском кабеля, сорванного со столба, захлестнуло ноги грузного мужчины, последовал рывок — и к многочисленным жертвам добавилась еще одна, повисшая высоко над землей головой вниз. Хруст, треск и гул падающего дома — и уже неразличимы в общем шуме всхлипы и стоны тех, кто оказался рядом, попав под падающие обломки. Женщина прижимала к груди совсем голого младенца — видимо, успела каким-то чудом вырваться из этого дома. И вдруг чья-то рука в тупом безумии схватила ее за шею и начала душить!

Счет подавившихся безумию пошел на десятки... У них в глазах появился неестественный блеск, на губах выступила пена. Ко всеобщей какофонии стали примешиваться сухие щелчки выстрелов. Кто-то ухватил меня за грудки и с силой потянул на себя. Я успел заметить кровавые зрачки, которые вдруг расширились и вылетели из орбит — пуля вышибла несчастному глаза, и они ошметками ударили мне в лицо. Я заорал, отшвыривая труп от себя.

Теперь стреляли не только из безумцев — офицер, жена которого дико кричала из бездны, куда провалилась, пустил себе пулю в лоб, отчаявшись ее спасти. Два человека в гражданском, но с автоматами встали спиной к спине и хладнокровно пускали очереди в каждого, кто мог сбить их с ног. Хотели ли они остановить этим панику или просто спасали свои шкуры — уже не имело значения. Громовой удар — и земля вздыбилась под их ногами, заживо замуравывая в общей гробнице тех, кто попал в ее объятия.

Сверху раздался мощный рев двигателей — огромный самолет с ревом пролетел над головами и рухнул вдали, во что-то врезавшись. Эхо взрыва перекрыло даже невероятный грохот, несшийся со всех сторон. Неведомо как попавшая на крышу соседнего дома машина полетела в бездну вместе с крышей. Кто-то полз по отвесной стене, пытаясь добраться до безжизненно повисшего в оконном проеме тела... Ребенок, у которого вместо глаз остались две зияющие выжженные дыры, сделал несколько шагов — и рухнул в яму, дно которой стало наполняться водой и еще чем-то бурным и отвратительно пахнущим из оборванных труб, проходивших вниз. Другого ребенка подбросило вверх и нанизало на стальной стержень, и теперь он висел на нем, как страшный флаг, раздуваемый ветром во все стороны. Парень из последних сил пытался спасти своего друга, упавшего в провал, — и обломок дерева рубанул его по спине с такой силой, что он был вынужден разжать пальцы. Следующий обломок раскроил ему голову... Девушка, у которой была полностью содрана кожа на спине, кричала от боли, и кто-то — может быть, случайно — подтолкнул ее к пропасти, вынудив упасть на колени. Затем толпа подмяла ее под себя, не замечая, что несется по еще живому, вздрагивающему телу. Троллейбус, поднятый на высоту чудовищной волной, теперь катился вниз, сокрушая все на своем пути, превращая людей в ошметки из мяса и костей. Старик встал на колени и взывал к Небу — а оно проявило милость, уронив ему на голову целый пласт вывороченной земли... Сколько же смертей было вокруг!

Смерть задевала меня своими крыльями, но пока щадила, оставляя в живых там, где это, казалось, было невозможно. Я прыгал через ямы — а те, кто пытался следовать моему примеру, не могли дотянуться до края и с криком летели в огненную бездну. Я пригибался — и свист осколков глох в телах тех, кто пригнулся секундой позже. Я останавливался — и проносившаяся мимо плита, цепляясь за других, размазывала их по земле...

Везде слышались взрывы. Один из них прогремел совсем рядом. Я почувствовал резкий запах газа и бросился наземь, прикрывая голову руками. Еще один взрыв вспучил остатки уцелевшего покрытия дороги и вырвался наружу громадным огненным фонтаном. Внезапный порыв ветра с невероятной мощью налетел из-за спины и вновь сбил с ног, едва я успел подняться. Я вцепился в кусок арматуры, оголившейся из обломков плиты, и неимоверным усилием подтянулся к ней вплотную, пытаюсь противостоять этому напору. Несколько секунд нельзя было определить, где верх, а где низ: все просто взлетело и перемешалось в воздухе в одно целое, а потом рухнуло обратно. Ударил оглушительный хлопок — и я вообще перестал что-либо слышать.

На моих глазах взметнулись и рассыпались в куски немногие уцелевшие дома. В полной тишине (я по-прежнему ничего не слышал) повернулся туда, откуда налетел этот шквал, — и в сердце, и без того сжавшееся в ужасе от всего увиденного, ворвался леденящий холод...

Там, вдалеке, я увидел быстро растущий гриб. Он поднимался к темному небу, увеличиваясь до гигантских размеров и закрывая собой всю восточную часть города. Я сразу вспомнил, что где-то там, среди холмов и сопок за пределами города, находился командный центр, способный, если верить слухам, выдержать прямое попадание ядерной ракеты. Сколько же об этом писали... Гриб раздувался с каждым мгновением, заполняя всю видимую часть неба. Возле его ножки заструились быстро изменявшиеся вихри, а в том месте, где он касался земли, во все стороны стал расползаться чудовищный вал, сметавший все на своем пути. Гриб достиг облаков — и разодрал их,

пробив нависшую над городом тучу из пепла и пыли. У основания ярчайшей звездой вспыхнул огонь, гриб разорвало сполохом множества молний, и все они слились в один жуткий глаз, смотревший на город с чудовищной высоты.

Это был не просто страх... Сама преисподняя показала свой лик, безумный и могущественный, неумолимый и всепожирающий. А в следующее мгновение начался ад! Не было ни дня, ни ночи. Все стало одного цвета — цвета смерти! Плавилась и горели камни, неслись вырванные с корнями деревья, земля под ногами становилась на дыбы. Даже на следующий день я бы не смог вспомнить, как мне удалось спастись: если до Большого взрыва я еще что-то соображал, то после него мною руководил только инстинкт...

Выжить в этом аду было нельзя. Но я не хотел этого понимать — и бежал! Это был непрерывный, непрекращавшийся бег. Бежавшие рядом падали в бездонные ямы и широкие провалы — и сгорали, не успев достичь дна. На оплавленных и переломанных стенах виднелись контуры фигур — следы человеческих тел — там, где их настигла вспышка от взрыва. Люди, обезумевшие и озверевшие, рвали друг друга на куски, чтобы выбраться, вылезти первыми из этого кошмара.

Разум стал бессилён — мною руководили только ужас и инстинкт. Прежде чем плита, содрогаясь, исчезала в расширявшейся яме, я успевал перепрыгнуть на другую. До того как испепелявший огонь вырывался из глубин, я успевал покинуть опасное место... Сколько это продолжалось? Минуты? Часы? Я задыхался, одежда превратилась в рваные и тлеющие лохмотья, руки были изрезаны и обожжены, волосы обгорели. Сердце рвалось из груди, а легкие жаждали хоть глоток чистого воздуха, не замутненного чадом, копотью и пеплом...

Я видел, как в черном небе, покрытом сполохами огня и взметнувшимися вверх обломками, падал самолет. Он заваливался на одно крыло, из правого двигателя валил густой шлейф дыма. Надсадный рев сменился громовым раскатом — одно крыло отвалилось, аэробус закружился и стремительно понесся к земле. Из исполина

вываливались маленькие пятнышки, едва различимые при этом свете, — люди... Разваливаясь, самолет пересек небо, проложил себе страшную дорогу сквозь тучу и дым — и огненный столб возвестил о том, что он упал в нескольких километрах от меня. А точки, которыми усеяло все небо, все падали и падали на горящий город — и вскоре первые из них достигли поверхности. Тем, кто погиб сразу, повезло больше: они не испытали всепоглощавший страх, который до последнего момента был спутником летевших навстречу неотвратимой гибели. А потом вздрогнуло само небо. Дернуло так, что казалось, от этого рывка погибнет все, что еще осталось. Подлетая вверх от толчка, вырвавшего у меня землю из-под ног, я заметил, что в том месте, где тянулся огненный хвост, часть города будто мгновенно исчезла, ушла в никуда. И тут же жестокий удар о поверхность вернул меня к действительности, сразу заставив вспомнить о спасении собственной жизни. На какие-то секунды все остановилось — словно земля наращивала силы перед очередным ударом.

От жажды и сухости, от едкого дыма, буквально раздиравшего внутренности, безумно хотелось пить. Пробив ногой стекло, я вытащил из перевернутой машины бутылку — их много валялось внутри — и опрокинул ее содержимое в рот, не глядя на этикетку. Я захлебывался водой с песком и дымом.

Мимо проползала собака. У нее были перебиты все лапы, оборван хвост, выжжен один глаз. Уцелевшим глазом она смотрела на меня — и в ее взгляде я читал ужас и вопрос, на который не мог дать ей ответа: «За что?» Я уронил бутылку. Собака дернула языком, пытаясь поймать сбегавшие капли. Асфальт дернуло — новый толчок разбросал нас в разные стороны. Ее зацепило за шкуру и протянуло куда-то в сторону. Она даже не визжала — скрученные мотки проволоки, неведь как оказавшиеся в этом месте, как наждаком сорвали с нее весь меховой покров, оголив кровавое полотно голого мяса, костей и мышц. Последующий толчок увлек ее в пропасть...

По спине словно простучали дробью. От острых жалящих прикосновений я вскрикнул — это целая коробка гвоздей, падая

с высоты, окатила меня своим дождем и лишь по случайности (я стоял нагнувшись) не выбила мне глаза. Гвозди были слишком мелки, чтобы причинить сильный вред, но падали с высоты и поэтому вонзались с большой силой. Слепили они меня — и любой мой последующий шаг мог означать только гибель... А ран хватало и без них: после трубы, как плетью прошедшейся по спине, осталась рваная кровотокающая полоса, после пыхнувшего в лицо огня — сгоревшие брови и ресницы, а острые углы, за которые все время цеплялся при беге и прыжках, оставили многочисленные синяки, а кое-где и порезы. Силы были уже на исходе: слишком долго я сопротивлялся ежеминутной, ежесекундной возможности быть погребенным живо, сожженным, раздавленным и искалеченным — и при всем этом продолжал двигаться, держаться... Я чувствовал, что скоро сломаюсь, не смогу сопротивляться — и тогда все. Но ноги сами несли меня прочь, руки отбрасывали препятствия, а измученное и избитое тело не сдавалось: весь я, от кончиков обломанных ногтей и до содранной кожи, хотел жить! Падали горящие столбы, разверзались пропасти — я карабкался по отвесным стенам, сползавшим вниз, и выскакивал наверх. Жить! Пока есть силы, пока я могу сделать хоть шаг — я должен жить! И эта жизнь нужна не только мне — я обязан уцелеть в этом аду, чтобы вернуться домой, к тем, кто остался далеко отсюда и, может быть, даже не представляет себе, что сейчас тут происходит.

...Мы держались за руки, сами не понимая, на что надеемся. Мы — это те, кто оказался под завалом из нескольких деревьев, снесенных ураганом и при падении образовавших естественное укрытие. Нас насчитывалось примерно пятнадцать — возможно, двадцать — человек. Мы оказались здесь случайно в поисках спасения, сбившись в группки, набрали на это место, и вскоре к нам присоединились еще несколько уцелевших, сбегавшихся отовсюду. Над головами бушевал смерч, и лишь по счастливой случайности мы еще не попали в его воронку. Из черного облака вылетело что-то массивное, и вскоре мы сумели разглядеть, что это автобус, заброшенный на немыслимую высоту, падает на город

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Катастрофа	4
Глава 2. В подземелье метро	30
Глава 3. Мертвый город	59
Глава 4. Подвал	93
Глава 5. Скитания	123
Глава 6. Собака-людоед.	159
Глава 7. Оружие	191
Глава 8. Первая охота	222
Глава 9. Крысы-мутанты.	259
Глава 10. Видение	288
Глава 11. Страшная находка	311
Глава 12. Месть	343
Глава 13. Провал	368